

ПОНЯТИЕ СОБСТВЕННОСТИ В РАБОТЕ М. ШТИРНЕРА «ЕДИНСТВЕННЫЙ И ЕГО СОБСТВЕННОСТЬ»

А.А. Трубина

МГУ им. Ломоносова

braines@mail.ru

Статья посвящена детальному рассмотрению понятия собственности в работе М. Штирнера «Единственный и его собственность». Проводится небольшой сравнительный анализ данного понятия в работах Прудона и Штирнера.

Ключевые слова: собственность, государство, право.

Вышедшая в свет в 1844 г. работа «Единственный и его собственность» Макса Штирнера наделала много шума в дореволюционной Германии, однако события революции 1848 г. привели к тому, что на протяжении длительного периода никто не проявлял интереса к данному труду. Вместе с тем попытка построения М. Штирнером нового социально-политического устройства – индивидуального анархизма, основывающегося на принципе абсолютного эгоизма, имеет, несомненно, огромную теоретическую ценность.

Одной из форм становления свободного эгоиста являются его отношения с «Другим». Вступая в контакт с чуждой собственной индивидуальности сущностью, «Единственный» стремится закрепить свое доминирующее положение над ней, сделать ее своей собственностью. Этот процесс идет параллельно отвержению всех «идей», всего, что может стоять выше индивида и властвовать над ним. «Можно думать, – говорит М. Курчинский, – на основании всего предшествующего изложения, что Штирнер совершенно отрицает всякую собственность, что он уничтожает право частной соб-

ственности, совершенно выбрасывая из своего лексикона это понятие. Ведь после того, как отвергнуто так много других ценностей, после того, как прекратило свое существование государство, выброшено за борт всякое право, в виде тех или иных правовых норм и велений закона, – так естественно предположить, что в построении Штирнера не должно найтись места для института частной собственности. И, тем не менее, всякий, кто так думает, глубоко ошибается»¹. В данном случае с мнением М. Курчинского нельзя не согласиться, поскольку Штирнер не только не отвергает понятие собственности, но и наделяет его своим специфическим смыслом. Вообще Штирнер в данном пункте весьма последователен, поскольку собственность рассматривается им не с точки зрения правового обоснования возможности владения имуществом, но гораздо шире: «Вопрос о собственности скрывает в себе более глубокий смысл, чем можно усмотреть при узкой постановке вопроса. Обращаясь только к тому, что называ-

¹ Курчинский М. Апостол эгоизма. Макс Штирнер и его философия анархии. Критический очерк. – М., 2007. – С. 146.

ют нашим имуществом, мы не сумеем его разрешить; решение может дать только тот, “от которого все исходит”. Собственность зависит от собственника².

В размышлениях Штирнера вопрос о собственности впервые появляется сразу после достижения свободным эгоистом определенного состояния сознания, творческого «Ничто», первым действием которого становится овладение языком как своей собственностью. Следующий шаг – встреча с «Другим» – также выводит на первый план понятие собственности, поскольку на нем, а именно на желании превратить «Другого» в свою собственность – основывается отношение «Единственного» с чуждой ему личностью: «Для Макса Штирнера отношение “Я” к “Другому” строится, прежде всего, на основе обладания или порабощения в собственность, в “мою вещь”, которой я могу владеть и распоряжаться по собственному усмотрению... Суверенной личностью “Другой” воспринимается не иначе как средство, как орудие для достижения своих эгоистических целей. “Другой” тем самым овеществляется, теряет для нас свою индивидуальность: он перестает быть существом “для себя”, он становится предметом “для меня” среди других предметов³. С другой стороны, частная собственность – основная, твердо оберегаемая святыня либерального общества, – для Штирнера не имеет никакой ценности, поскольку с его точки зрения «пользование еще не собственность», и то, что в нашем обществе она (собственность) становится таковой только после «согласия и соизволения пра-

ва». «Тем не менее, собственность – обозначение безграничного господства над чем-нибудь (вещью, зверем, человеком), чем “я могу располагать и распоряжаться по моему усмотрению”. По римскому праву – *ius utendi et abutendi re sua, quatenus juris ratio patitur* – исключительное и безграничное право; но собственность обуславливается насилем. Что в моей власти, то – моя собственность. Пока я утверждаю себя как владельца, Я – собственник вещи, если же она уходит от меня – безразлично в силу чего, например, в силу моего признания права за другим на эту вещь, то собственность исчезает. Таким образом, понятия собственности и владения совпадают⁴.

Мы видим в данном случае, что понятие собственности, которое выстраивает Штирнер, противостоит понятию права как «милости», даруемой «Единственному» «Другим», обществом, государством. Профессор Штаммлер замечает по этому поводу, что «наша юриспруденция приняла, как само собой разумеющееся, следующую альтернативу: или свободное от всяких правил состояние, или правовое принуждение. По крайней мере, с тех пор, как Гоббс (1588–1679) дал для свободного от правил “естественного состояния” формулу: “война всех против всех”, – можно всюду встретить ссылки на нее в том смысле, будто при ее посредстве можно дедуцировать право и государственную власть, между тем как в действительности из нее можно вывести только желательность регулирующей организации вообще⁵. Однако было бы наивным считать, что право вообще имеет своей целью свободу отдель-

² Штирнер М. Единственный и его собственность. – Харьков, 1994. – С. 235.

³ Панкратьев В.В. Феномен суверенной личности. Интерпретация философских идей М. Штирнера и Ф. Ницше. – Улан-Удэ, 2001. – С. 129–130.

⁴ Штирнер М. Единственный и его собственность. – Харьков, 1994. – С. 239.

⁵ Штаммлер М. Анархизм. Теория и критика. – СПб., 1906. – С. 47.

ного человеческого индивида, ведь так или иначе оно реализуется путем насилия, хотя бы в отношении тех, кто это право нарушает. При этом даже беглый исторический анализ дает основание полагать, что установление того или иного права в различных обществах повсеместно подвержено делу исторического случая, а его введение связано с произволом и насилием классов или групп лиц, в чьих интересах данное право устанавливается. «Иногда, – продолжает Штаммлер, – дело может обстоять так... что строгая правовая организация как раз санкционирует полную беззащитность подчиненных лиц по отношению к власти. Так, например, рабство существовало “на основании права” и вместе с тем это “право” не обеспечивало человеку, который тогда приравнивался к вещи, – защиты жизни, семьи и собственности; и всякий припомнит сколько угодно исторических примеров, когда даже среди свободных в правовом обществе господствовал произвол и насилие и когда на обеспеченность для отдельной личности защиты жизни, семьи и собственности не могло быть даже и намека»⁶. Вообще для «Единственного» вряд ли право может представлять что-либо, кроме препятствия на пути обладания чем-либо. П. Эльцбахер резюмирует воззрения Штирнера на сущность права в двух пунктах: согласно первому «с точки зрения личного блага каждого Штирнер отвергает право без всяких ограничений, пространственных или временных»⁷; второе же гласит, что «личное благо требует того, чтобы в будущем вместо права оно само было для всех людей законом»⁸. Что касается пер-

вого положения, то, на наш взгляд, его неопровержимость доказана с достаточной степенью точности, в то время как второе положение требует отдельного разъяснения. Вопрос в данном случае заключается в следующем: возможна ли общественная жизнь вне рамок правовых установлений и, соответственно, институтов, осуществляющих правовое принуждение, таких как государство? Наше современное понимание роли государства, централизованной власти и правового принуждения, безусловно возвращенное тем, что Штирнер обозначает как либерализм, говорит нам о том, что без данных форм организации индивидов их совместное существование быстро перерастает в состояние насилия, правда отнюдь не гоббсово «войны всех против всех», а на основании других принципов (к примеру, принадлежности к той или иной национальности, вероисповеданию и т. д.). Вместе с тем история дает нам примеры сосуществования людей в таких формах, которые вряд ли могут быть отнесены к нашему понятию государства как средства насильственной реализации правовых норм. «Вовсе нет необходимости, чтобы правовые нормы исходили от организованной власти, которую мы называем государственной... Кочевые орды и племена, народы-номады живут в правовом строе, но не в государстве; евреи во время своего столетнего странствования по пустыне составляли тесно связанное и строго управляющееся правовое общество, но отнюдь не государство; ведь во всех этих случаях нет постоянной связи с определенной территорией, которую мы считаем существенным признаком в понятии государства. К этому присоединяется еще и то, что в социальной истории долгое время совершались реформы и вновь образовывались церковные

⁶ Там же. С. 48–49.

⁷ Эльцбахер П. Анархизм. Суть анархизма. – М., 2009. – С. 98.

⁸ Там же. – С. 100.

право, право автономных общин и других корпораций, даже семейное право; ко всем этим видам права понятие государства опять-таки совсем неприменимо; наконец, надо иметь в виду, что в международном праве – этом создании нового времени – образуются правовые нормы из таких отношений, которые выходят за пределы отдельных государств»⁹. Другими словами, представляется необходимым, что сосуществование людей неизбежно ведет к созданию каких-либо правил, которые регулируют отношения внутри определенной группы индивидов, однако отсюда отнюдь не следует необходимость такого института, как государ-

ство, осуществляющего путем насилия и принуждения следование данным правилам. Так что представляется верным понимание Штирнера в данном вопросе со стороны Р. Шельвина, когда он говорит: «До тех пор пока человек не признает сущностью права свою собственную бесконечную сущность (иными словами, до тех пор, пока человек не будет исходить из принципа абсолютного эгоизма), свою волю, которая его постоянно творит, поддерживает и прогрессивно преобразует, до тех пор право будет всегда противостоять ему, как более или менее внешняя сила, и ограничивать его свободу. Это не изменится и в демократии, которая создает себе в совокупности народа, противостоящего отдельным личностям нового господина, который, хотя и является лишь призраком, но благодаря своему господству над умами может при известных обстоятельствах осуществлять более ужасную тиранию, чем какая-либо другая деспотическая сила – этому также научает нас самым убедительным образом история французской революции»¹⁰.

Вернемся, однако, к понятию собственности. «Личное благо каждого человека требует того, чтобы разделение богатств на основании его собственных предписаний заменило бы собой собственность... Согласно требованиям своего личного блага, каждый человек должен иметь все то, чего он в состоянии достигнуть... Таким образом, собственность не должна и не может быть уничтожена, но должна быть изъята из рук призраков и сделана моей собственностью; тогда исчезнет ошибочное убеждение, что я не имею права на столько, сколько

⁹ Штаммлер М. Анархизм. Теория и критика. – СПб., – 1906. – С. 24–25. В той же работе Штаммлер высказывает и более радикальные мысли: «Человек, как исключительно животное, мог бы, подобно другим животным, также жить вне каких бы то ни было правил. Для установления регулирующих норм и для создания социальной жизни нет естественной необходимости; все правила, определяющие взаимное поведение людей, – дело рук человеческих и должны рассматриваться только как средство и орудие. Из области нравственности *an und für sich* внешняя организация не является необходимостью. Как безусловная конечная цель, отнюдь не могут выступать ни правовое и государственное принуждение, ни условное регулирование. При этом последнем человек лишь проявляет свою добрую волю и сам определяет свое поведение. Но для этого вовсе не нужны никакие параграфы или нормы других людей. Да и такие нормирующие приказания, поскольку они принудительно действуют на отдельную личность, только уничтожают значение ее доброго поступка: так как он проявляется уже не как вызванный добрым намерением, но как обусловленный «лакомой подачкой или кнутом». Также и с этой стороны нет абсолютной необходимости во внешнем регулировании человеческого общежития». – Там же. – С. 45. Хотя с приведенным здесь утверждением мы позволим себе не согласиться, а точнее признаем его, вслед за Штаммлером, теоретической фикцией возможного опыта.

¹⁰ Шельвин Р. Макс Штирнер и Фридрих Ницше. Явления современного духа и сущность человека. – М., 1909. – С. 164.

ко мне необходимо»¹¹. Исходя из силового варианта обладание собственностью, т. е. осознание того, что моею собственностью является все, что я могу добыть себе своей силой, удерживать и пользоваться ею, а также ситуации «войны всех против всех», «Единственный» Штирнера непременно становится в ту позицию, которую В. Панкратьев именуется «завоевателем». Этот последний смотрит на весь мир, на одушевленные и неодушевленные части этого мира исключительно с точки зрения возможности господства над этими частями: «Стать господином над миром... это значит захватить его в свою собственность... В условиях правового порядка собственность не может считаться чем-то «вполне естественным», так как человек владеет собственностью до тех пор, пока ему позволяет государство: то есть лично от человека совершенно не зависит обладание собственностью, которую он в любой момент может потерять по велению верховной государственной власти. Во время «войны всех против всех» человек, конечно же, тоже может легко лишиться своей собственности, но здесь все зависит уже исключительно от него самого, от его силовых возможностей, которые он может противопоставить силовым возможностям другого «завоевателя», выказавшего претензии на его собственность»¹².

Известно, что Штирнер в своем понимании собственности далеко отошел от всех предшествующих взглядов, в том числе и от воззрений Прудона. На страницах своего труда он часто полемизирует с французским анархистом, провозгласившим тождество собственности и кражи. Прудон, по-

¹¹ Эльбахер П. Анархизм. Суть анархизма. – М., 2009. – С. 107–109.

¹² Панкратьев В.В. Феномен суверенной личности. Интерпретация философских идей М. Штирнера и Ф. Ницше. – С. 156.

видимому, оказал наибольшее влияние на социальную сторону концепции Штирнера: «Когда Штирнер критикует созданный экономический строй, когда он указывает на ненормальные отношения между трудом и капиталом, при которых труд всегда оказывается более слабой стороной, не будучи в состоянии получить эквивалента той ценности, которая заключается в нем для потребителя, когда он говорит о том, что, при существующих условиях, труд всегда является добычей капитала и т.д., то все это в значительной степени – повторение соответствующих мыслей, только что с таким блеском возвещенных Прудонем. Слова последнего о том, что “собственник собирает жатву, хотя он и не сеет; потребляет, хотя и не производит; пользуется, хотя и не работает”; или, что собственность дает основание к краже, собственник делается вором: “La propriete c’est le vol” – вполне напоминают отдельные положения в книге Штирнера»¹³.

Вместе с тем очевидны и существенные различия, которые имеются между Прудонем и Штирнером. В первую очередь Штирнер замечает, что, несмотря на то что Прудон в своих воззрениях, безусловно, отвергает религию, он вместе с тем абсолютизирует нравственный закон (*la loi morale*), мораль как таковую¹⁴. Для Штирнера подобная точка зрения представляется религиозной, вне зависимости от того, что подлежит абсолютизации: мораль, религия, Бог, идея, государство и т. д. Прудон же отвергает собственность *par excellence* потому, что она является такой правовой нормой, которая противоречит справедливо-

¹³ Курчинский М. Апостол эгоизма. Макс Штирнер и его философия анархии. Критический очерк. – М. 2007. – С. 197

¹⁴ Прудон П.Ж. Что такое собственность. – СПб., 1907.

сти, т. е. опять же по нравственным основаниям. «Прудон, как и Вейтлинг, думает, что он высказал самое скверное о собственности, называя ее кражей (vol). Не касаясь злополучного вопроса, какое серьезное возражение можно выставить против кражи, мы только спросим: может ли вообще существовать понятие “кража”, иначе чем при сохранении понятия “собственность”?... Что никому не принадлежит, то не может быть украдено: воду, которую черпают из моря, не воруют»¹⁵. Вообще же многими исследователями отмечалась непоследовательность и противоречивость взглядов Прудона, в том числе и в его воззрениях на собственность¹⁶. Эти противоречия замечает и Штирнер, когда говорит следующее: «...Прудон отрицает ту или иную форму собственности, но не собственность как таковую»¹⁷. Поскольку Прудон руководствуется справедливостью, т. е. стремится отобрать собственность у «немногих» и передать ее «всем», т. е. лишить «Единственного» его собственности ради призрака, идеи человечества, указывая, впрочем, на практическую несостоятельность и несоответствие реальному положению дел теоретических установок Прудона: «То, что желательно для всех, будет отнято у единичного, который хочет владеть им исключительно, и оно сделается общим достоянием. Но в общем достоянии каждому принадлежит известная часть, и эта часть – его собственность. И при теперешних условиях владения дом, который принадлежит пятерым

наследникам, является их общим достоянием, но пятая часть дохода – собственность каждого»¹⁸. К этому Штирнер с иронией добавляет: «... если же теперь общество отберет свою собственность, то оно не совершит никакого грабежа: оно только получит то, что ему принадлежит по неотъемлемому праву. Вот до чего доходят, принимая призрака общества за нравственную личность»¹⁹. Этим, однако, не ограничиваются различия между Прудоном и Штирнером. Так, М. Курчинский указывает на разницу в подходах данных мыслителей и в области экономических отношений: «Устанавливая, например, что продукты, созданные в одинаковый промежуток времени с затратой того же количества труда, должны обмениваться друг на друга, час труда первоклассного поэта должен оплачиваться так же, как час труда метельщика улиц и т. д. Ведь, по мнению Прудона, различие разнообразнейших отраслей труда отвечает только различию человеческих способностей и склонностей, и какой-либо человек, одаренный талантом художника, даже и при равной оплате труда, все же предпочтет заниматься своим делом и, предположим, рисовать картины или расписывать плафоны, чем начать культивировать ремесло молотобойца или сапожника. Если же он не пожелает подчиниться этим равным условиям труда, то обществу останется только отказаться от его услуг, и тем хуже для него же самого»²⁰. Отношение Штирнера к данному вопросу абсолютно противоположно, поскольку он последовательно исходит из

¹⁵ Штирнер М. Единственный и его собственность, Харьков. – 1994. – С. 238–239.

¹⁶ Федоров А.Ю. Социальная справедливость и собственность. В кн. Прудон П.Ж. Что такое собственность? Или Исследование о принципе права и власти. – М., 2011.

¹⁷ Штирнер М. Единственный и его собственность. – Харьков, 1994. – С. 237.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. – С. 238.

²⁰ Курчинский М. Апостол эгоизма. Макс Штирнер и его философия анархии. Критический очерк, М., 2007. – С. 198–199.

основополагающего принципа – принципа абсолютного эгоизма. С этой точки зрения труд, выполняемый «Единственным», уникален, и никто не в силах повторить его, а значит, он (труд) требует отдельно устанавливаемой платы: «Организация труда касается, однако, только таких забот, которые могут быть выполнены для нас другими, например, убоя скота, обработки земли и т. д.; остальное остается эгоистичным, ибо никто, например, не может изготовить за тебя твои музыкальные композиции, никто не может написать твои картины; работ Рафаэля никто не может выполнить. Такого рода работы – дело единственного, которое может быть исполнено этим единственным, в то время как те заслуживают названия «человеческих», ибо собственного там очень мало и «всякий» может научиться выполнять их»²¹. К тому же, по мысли Штирнера, защита общества, его «попечение» необходимо только тому, кто выполняет «общепользные» работы, что же касается «Единственного», то общественная забота или даже просто вмешательство могут повредить ему.

Е. Ценкер резюмирует отличия во взглядах Штирнера и Прудона на собственность следующим образом: «Насколько сильно Штирнер отстает от Прудона, ярче всего обнаруживается в вопросе о собственности. Прудон отрицал собственность, так как она не согласна со справедливостью. Штирнер отрицает справедливость и требует собственности на основе права захвата. Прудон называет собственность кражей, Штирнер ставит это положение вверх ногами и отвечает на вопрос “что есть моя собственность?” – “Все, что находится в моей власти”. И далее: шаг за шагом удаляется Штирнер от Прудона; по-

²¹ Штирнер М. Единственный и его собственность. – Харьков. – 1994. – С. 256.

следний для устройства рая требует “равновесия”. Штирнер же выставляет в качестве высшего и единственного господина в социальной области принцип естественного отбора. Борьба за существование, признать которую в хозяйственной жизни Прудон так противился, вступает здесь в свои права во всей своей жестокости»²².

На том же основании, которое не может принять у Прудона Штирнер – собственностью должны владеть «все» в противовес «Единственному», – не может принять он и зарождающееся учение коммунистов и социалистов различной ориентации. Сам он непротиворечивым образом показывает разницу между своими взглядами и указанными теориями: «По мнению коммунистов, собственностью должна владеть община. Напротив, я – собственник и вхожу только в соглашение с другими относительно своей собственности. Если община поступает со мной несправедливо, то я восстаю против нее и защищаю свою собственность... Если социалисты говорят, что общество дает мне то, что мне нужно, то эгоист провозглашает: я беру себе все, что мне нужно. Коммунисты ведут себя, как нищие; эгоист же – как собственник»²³.

В результате мы можем констатировать, что понятие собственности у Штирнера существенным образом отличается от понимания данного термина как представителями анархизма, так и философии либерализма, буржуазией, а также социалистами и коммунистами. Это понятие совпадает, по мысли автора «Единственного», с возможностью владения, удержания и использования всего, что свободный эгоист может

²² Ценкер. Е.В. Анархизм. История и критика анархических учений. – М., 1906. – С. 81–82.

²³ Штирнер М. Единственный и его собственность. – Харьков. – 1994. – С. 256.

добыть собственной силой, начиная с собственного языка и заканчивая всем миром, который рассматривается им (эгоистом) исключительно с точки зрения возможного обладания его частями как ему принадлежащими. Однако возможное и вероятное существование других свободных эгоистов, а также признание того факта, что человек по своей природе является социальным существом, в противовес возможности, высказанной Штаммлером, так или иначе приводит Штирнера к необходимости теоретического обоснования сосуществования людей в корне отличного от государственного устройства, которого он принципиально не признавал.

Литература

Курчинский М. Апостол эгоизма. Макс Штирнер и его философия анархии. Критический очерк. – М., 2007. – 264 с.

Панкратьев В.В. Феномен суверенной личности. Интерпретация философских идей М. Штирнера и Ф. Ницше. – Улан-Удэ, 2011. – С. 129–130.

Прудон П.Ж. Что такое собственность. – СПб., 1907. – 266 с.

Федоров А.Ю. Социальная справедливость и собственность. В кн. Прудон П.Ж. Что такое собственность? Или Исследование о принципе права и власти. – М., 2011. – 512 с.

Ценкер Е.В. Анархизм: история и критика анархистских учений. – М., 1906. – 253 с.

Шельвин Р. Макс Штирнер и Фридрих Ницше. Явления современного духа и сущность человека. – М., 1909. – 197 с.

Штаммлер М. Анархизм. Теория и критика. – СПб., 1906. – 327 с.

Штирнер М. Единственный и его собственность. – Харьков, 1994.

Шельвин Р. Макс Штирнер и Фридрих Ницше. Явления современного духа и сущность человека. – М., 1909. – 404 с.

Эльбахер П. Анархизм. Суть анархизма. – М., 2009. – С. 107–110.